

Н. В. Барковская

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
n_barkovskaya@list.ru

«СЛЕЗА ЗВЕРЕЙ»: АЛЬТЕРНАТИВНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО¹

Комплекс мотивов поэзии В. Блаженного, в которых участвуют образы животных, достаточно обширен. С одной стороны, он соприкасается с проблемой противоречивых отношений человека и Бога. С другой — выступает альтернативой враждебному внешнему, земному миру. Поэт творит свой мир, параллельный диаде «Бог и человек». Его мир населен животными, зависящими от человека так же, как человек зависим от Бога.

Ключевые слова: *мифотворчество; поэзия Вениамина Блаженного; поэтический анимализм.*

Философичность поэзии Вениамина Блаженного, как и избранный автором псевдоним, побуждают читателя соотносить его творчество с библейскими притчевыми сюжетами. Так, Ульяна Верина вспоминает Иону во чреве кита [7]. При этом, как известно, родившийся в еврейском местечке под Оршей, Блаженный знал иудаизм, но признавал и Новый Завет. Справедливо пишет Н. Л. Лейдерман, что религиозность Блаженного была поэтической, а не ортодоксальной [8, с. 855]. Кирилл Анкудинов отмечает своеобразное «двоебожие» Блаженного: «Блаженный говорит в своих стихах не об одном Боге, а о двух Богах: для него Бог-Отец и Бог-Сын (Христос) неодолимо разделены и вызывают противоположные чувства. Христа Блаженный неизменно боготворит — ведь Он страдал. А вот к Богу-Отцу у Блаженного зачастую — совершенно иные отношения. Блаженный готов признать Его только при условии исправления земных несправедливостей... По религиозным стихам Блаженного как будто бы проходит переменный ток: от гностицизма к традиционному христианству — и обратно» [2, с. 391].

Н. Л. Лейдерман (как и Ю. М. Сапожков [9]) сравнивает лирического героя Блаженного с Иовом, делая вывод о том, что в отличие от библейского Иова, герой Блаженного не робко вопрошает Бога, а требовательно, полагая, что свобода и самостояние человека, поэта, дают ему право упрекать Творца: «Робкую мечту библейского Иова в состязании с Богом этот, новый Иов, претворяет в поступок» [8, с. 856].

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Поэт и поэзия в постисторическую эпоху». РНФ № 19-18-00205.

А. Ханзен-Лёве в статье «Литературный герой как Иов Бога» пишет: «В ветхозаветной Книге Иова речь идет об ответственности Бога перед человеком, о его всеведении, с одной стороны и о мнимости человеческой свободы, с другой. Перед нами вечный вопрос, как всемогущий Бог может допустить зло...» [12, с. 177]. А. Ханзен-Лёве не видит Иова смиренным, напротив, Иов бросает обвинение прямо в лицо Вседержителя, угрожает Богу своим негодованием [12, с. 179]. После самовосхваления Богом своего могущества (главы 40 и 41) Иов «милостиво, если не иронично» согласился признать все проявления всеилия Бога. И далее исследователь ссылается на работу К. Г. Юнга «Ответ на Иова», в которой речь идет «о великой дуэли Бога и его творения в лице Иова, который в конце концов выигрывает у Бога» [12, с. 181].

Наша гипотеза состоит в том, что герой Блаженного — новый Иов — предпринимает не столько спор с Богом, сколько «уединяется» в собственный мир, творимый им самим — мир, параллельный диаде «Бог и человек», а именно: «человек и животные». Творимый им поэтический мир — это мир, населенный ближайшими спутниками человека, собаками и кошками, «братьями меньшими» (а также птицами), зависящими от человека так же, как человек зависим от Бога. При этом создаваемый мир вполне мифологичен, поскольку сам поэт творит, подобно Богу, свой мир, отказываясь («возвращая билет») от бесплодных прений с Богом, ибо человек все равно обречен на смерть:

Я не вернусь из смерти.
Никогда [5, с. 23].

Бог, в представлении Блаженного, жестоко играет с человеком: «Мои страдания будут куклами <...> Застенчивые, как мизинчики / Блаженные Вениаминчики / Однажды выстроятся в пары...». И Бог сначала весело поиграет этими «куклами», а потом сотрет «в кровавое сплошное месиво» [6].

В стихах Блаженного находятся еще большие «отверженные», чем человек — это бездомные, гонимые, страдающие собаки и кошки.

А. Ханзен-Лёве в указанной статье переходит к намеченным М. Бахтиным отношениям между автором-творцом и созданным литературным героем, способным, в случае полифонического романа, на собственный голос и позицию. Блаженный — поэт, многоголосия в его творчестве нет, его лирический герой монологичен. Он выстраивает отношения не с Богом, а с тварным миром — пародичным по отношению к богоустроенному бытию.

Дмитрий Строчев [11], Ульяна Верина говорят об обстоятельствах, обусловивших «уединенную поэтику» [7] Блаженного: отсутствие культурной почвы, невостребованность религиозно-метафизических стихов в советское время, не встреча с читателем, принудительное лечение в психиатрическом отделении... Блаженный пишет: «Я родился изгоем и прожил по-волчьи изгоем...» («Стихи ухода» [5, с. 39]).

Наверное, можно добавить в перечень причин и отчуждение Блаженного от заново отстроенного после войны Минска — «солнечного города», поглотившего не только оставшиеся от боев руины, но и многие старые дома ради широких и прямых проспектов, застроенных «сталинками». «Идеальный» новый город Минск выдавливал все несистемные элементы, не укладывающиеся в заданные идеологические рамки. В качестве параллели можно обратиться к картинам Алексея Жданова, поэта-философа и художника, яркого мастера из среды минского андеграунда. На его картинах изображены населяющие Минск люди-мутанты и не менее жуткие ангелы — и всё это на фоне многоэтажных схематичных зданий с квадратиками окон (см. Приложение 3). Депрессивное существование-прозябание жителей «солнечного города» А. Жданов выразил, например, в таком «ночном» стихотворении:

Люди в ожидании зарплат
мало говорят и много спят.

Разве запасешь продукты впрок?
Пьянство — не ахти какой порок.

Надо еще силы поберечь.
Помолясь на фортку, раньше лечь

Деньги — как микробы: есть, но нет.
Словно по команде — гаснет свет.

Как программа «Время» — снится сон,
общий на один микрорайон
1990 [1, с. 66].

Город как репрессивное пространство ощущает и Блаженный: «А я давно живу в том бесноватом граде, / Где даже у детей в руках тяжелый камень...» [5, с. 356].

В финале стихотворения Блаженного «Маленькая кошка» говорится, что кошку убили «этажи». Если Алексей Жданов творит монструозный, фантастический мир, уподобляет, как пишет Д. Строцев, дворы «сталинок» логову «людоеда»:

Отчего так черны вечерами дворы,
не слышать ни людей, ни собак?
Неужели собаки и люди добры?
И хочу — и не верю никак... [10, с. 5],

то Блаженный выбирает «тварный», а не людской мир как свое экзистенциальное местонахождение.

Можно выделить несколько этапов в поэтическом сюжете, развиваемом в стихотворениях Блаженного: этап «нисхождения» лирического субъекта

в мир кошек и собак, к этим «изгоям бытия», а затем — «восхождение» к своей духовной сути.

(В скобках отметим, что люди уподобляются бессмысленным зверям в прозаических миниатюрах Блаженного. В миниатюре «Случайная страница эвакуации» толпу охватывает паника, стадное чувство, где рядом секс и насилие. «... Это они, эвакуированные, засорили железнодорожные пути замасленными обрывками газет, костями впопыхах едомой рыбы и частым откровением однообразных испражнений... Там, позади... горел город. Потно и грязно сдвинувшись с места, город не мог опомниться, хлопотал впопыхах, охал и ахал подвистом летучей смерти, следовал за мною бесконечным числом своих обитателей, продолжался, гадил, совокуплял своих питомцев...»). В миниатюре «Преддверье» появляется образ мышей — антиподов кошек и собак: герой, заснувший под шум канонады, слышит, как из углов выползают мыши. «Смысл их появления был ироническим, как внезапное воплощение в мелкозубых хищников газетных статей. С той же осторожностью и наглостью свершала свои мелкие дела острозубая посредственность... В воображении мыши уходили в сырую затхлость окопов... Кисло воняя, мыши воплощались в солдат после атаки. Солдат вползал в окоп, задев меня сапогом — и не заметив. Тогда и я отползал в угол — размышлять о мышиных углах Истории» [6].)

Начинается «нисхождение» героя с ощущения собственной «собачьей жизни» — голодной, бездомной, постоянно грозящей опасностью, презираемой благополучными обитателями города. Даже внешний облик героя похож на тощую собаку:

Вот он я — во вшах,
И меж голых ребер
Светится душа,
Как слеза во гробе.
1987 («Вот он, вот он я» [6]).

В воспоминаниях о голодном детстве звучит тот же мотив: отец бережно резал краюшку хлеба, а сын «молча ждал хозяйского куска, / Как ждут собаки — преданно и зло» («Нахлебник» [6]).

В стихотворении «Охотники» герой ассоциирует себя с загнанным волком, на которого охотятся люди с «ножевыми глазами»:

Я уйду в себя, как в лес
Уходит зверь, боясь рассвета,
А вы — с ружьем наперевес,
С ружьем, с огнем — за мною следом...

Люди — агрессивные «двуногие звери», «мохнатые изнутри», и хочется от них спрятаться хотя бы в конуру:

... Буду спать да сопеть, будет сон мне диковинный сниться,
Как двуногие звери меня окружают кольцом.

Хорошо просыпаться и ночь неподвижную слушать...
Хорошо свою нору хвостом оградить от потерь...
Хорошо на покое, как лапу, лизать свою душу...
Вот и нет меня больше — теперь я беспрозванный зверь
11–12 мая 1973 [5, с. 32].

Лирический герой называет себя «беспрозванным зверем», то есть безымянным, ничьим, лишенным малейшего сочувствия и ласки. Похожая автохарактеристика: «я — собака, загнанная в репейник». Но бездомный пёс имеет право быть агрессивным и смелым, поскольку терять ему нечего.

Кто сам собака, не боится лая.
Облаян псами
И ногу над погоней задирая, —
Собака сам я.

Он еще боится самодовольного Вседержителя, «древнего Бога из Ветхого Завета, / Косматого самодура с дубиной людоеда» [5, с. 255].

Я и пес — мы на божьем пороге
Поджимаем от страха зады... <...>

... Не гони нас ни в ад ты, ни в рай,
Угости нас на кухне господней... [5, с. 41].

Но в другом стихотворении герой уже бунтует:

Я, голодный как пес, откажусь и от райского супа —
Не такой это суп — этот рай — и Господь не такой! [5, с. 39].

Героя не устраивает компания Бога и Дьявола, он рисует свою избранную «троицу»: «... Я хочу читать стихи в обществе трех кошек: / Ангорской, сиамской и сибирской», впрочем «Не исключено, что в последнюю минуту я приглашу и собаку...» [3, с. 32].

На этапе «нисхождения» к вольному нищенству все сравнения героя с собакой соответствуют стереотипным мнениям, зафиксированным в поговорках и идиомах: голодный, как пес; собачья жизнь; устал как собака, нужен как собаке пятая нога; собака лает, ветер носит и проч.

Герой мучается состраданием к животным, ощущает свое сходство с ними:

И в каждой собаке и кошке бездомной
Стучало мое беспризорное сердце:
Такой я был нищий, такой был безумный,
Так верить хотелось во что-то на свете...

Но кошки кричали, собаки скулили:
За чьи-то объедки, за малую крошку
Их били, их били, их били, их били —
И били меня, как собаку и кошку [5, с. 248].

Его дорога — та, «по которой несут свои боли» одичавшие псы, кошки и старухи [5, с. 78]. И сам он похож на них своей жизнью — страданием.

А вот дальше Блаженный начинает свое мифотворчество. У собак и кошек есть свой язык:

... На людных сборищах столиц.
Я изъяснялся, сумасшедший,
На языке зверей и птиц [5, с. 19].

Еще:

А те слова, что мне шептала кошка, —
Они дороже были, чем молва,
И я сложил в заветное лукошко
Пушистые и теплые слова [5, с. 90].

И еще:

С какой прямою со мною общались
собаки и кошки, Господние други... [5, с. 333].

Герой готов пожалеть и приютить бездомных: «Хватит места в моей конуре / И собаке, и кошке, и Богу», в данном случае — Иисусу Христу, также обреченному на муки и поэтому — милосердному.

Звери оказываются спасителями души более милосердными, чем Бог:

Вот и вышла из смерти неслышно монашенка-кошка,
Та, что в келье-клетушке несет монастырскую службу...
На груди у нее не простое — святое лукошко, —
Собирает она милосердие людское и дружбу.

И мою она душу берет в осторожные лапки,
И обнюхивает, шевеля осторожно ушами,
И, о чем-то мяуча, куда-то по тропке, по травке
Убегает она, и вприпрыжку бежит небесами [5, с. 193].

Именно на этом языке герой «говорил однажды с Богом».

... Где кошка и Бог говорят на своем языке,
И этот невнятный язык не разгадан никем... [5, с. 359].

Более того, им присуща мудрость: «... У собак философские лбы, / У собак на сократовских лбах / Беспокойные знаки судьбы».

Это ложь, что Господь не допустит к Престолу собаку,
Он допустит собаку и даже прогонит апостола [5, с. 52].

Именно малым сим даровано будет Царствие небесное, и «малые безгрешные создання» будут вершить свой осторожный суд, заменив гневливого Бога [5, с. 57].

Ах, Господь, пошли мне кошку и худого пса.
Я не знаю лучшей дружбы и родней родни...
Я приду к Тебе однажды с кошкой в небеса
Я приду к Тебе с собакой — нас ты не гони... [5, с. 366].

Странно, но даже Бог принимает обличье собаки (как и земной отец):

...Он брел в обличье пса.
Свисала доброта с его косматой шерсти
Лохмотьями репья,
Он брел, но не один, — со мною брел он вместе... [5, с. 231].

Образ собаки появляется в связи с образом отца, как реального, жалостливого ко всему живому, казавшегося всем чудачком, так и Господом Богом. Это как бы земная, телесная ипостась героя, удел которой — неприютность и отверженность.

Отец признался мне, что был когда-то
Господним псом — лохматым добрым псом... [5, с. 149].

А вот образ кошки связан с материнским началом и с душой. «И почему я видел мать / В обличье кошки на помойке?» [5, с. 108].

И все-таки обжив свое лукошко,
Как это и положено во гробе,
Я вспомню, как меня любила кошка, —
Привязан был и я к ее особе [5, с. 155].

У Блаженного много стихов посвящено материнской теме, в том числе стихотворение о сне, где о маме напоминает кошка:

— Мама, — так я сказал, когда вдруг во дворе
Появилась лохматая старая кошка, —
Я не знаю в какой ты скрывалась дыре,
Но лицом на нее ты похожа немножко.

Ведь и ты обходила житейскую грязь
И дрожала, услышав угрюмую ругань,
Ведь и ты, безотчетно чего-то боясь,
Замирала внезапно в ознобе испуга... [5, с. 179].

Ни ямбы, ни стихи Пастернака не заменили герою единственного маминого языка, сопоставленного с языком кошек и собак. И хотя язык этот «небогат», но это язык милости и любви, заставляющий брата забыть, что он мертвый, обещающий спасение:

И кошка знала разумом зверья
(И уши шевелились осторожно),
Что мама, кошка тощая и я —
Мы все на небе будем непреложно [4].

Кошка — «дикая беспечная краса», которую встретит когда-нибудь герой стихотворения: «Эта кошка будет тонкой-тонкой, / Словно лист древесный на ветру...» [4]. Кошка олицетворяет душу, в отличие от собаки, связанной с земной юдолью. И усопших души подобны этой кошке-видению: «Вы стали суше, глуше, уже», напоминают «сторовший кошкин дом».

В этом, им созданном мире, герой ощущает себя Христом: «Я собакам и кошкам казался дружкой-Иисусом, / Каждой твари забитой я другом неназванным был» [5, с. 39]. Вместе с четвероногими страдальцами он надеется оказаться перед лицом Бога:

.. Вот я — в язвах обугленных нищий,
Вот он — старый доверчивый пес...
Нет нас праведнее, нет нас чище,
На виду у тебя мы, Христос...
16 ноября 1980 [5, с. 41].

Земные страдания, мучительная смерть трактуются как путь на Голгофу:

И сотни кошек и собак,
и сотни нищих и убогих,
и всех, на ком Господень знак, —
Кто жил не в сытости, а в Боге.

Кто жил всегда настороже,
к закланью смертному готовый,
и помнил, что в его душе
вершится таинство Голгофы.
13 октября 1984 [5, с. 195].

Как был подвергнут мучениям Христос, так и кошка-душа проходит через распятие: дети, неизбежно приближающиеся к смерти, «... как распятье держат кошку, / Еще живую, но кровавую» [4]. В стихотворении «Маленькая кошка» говорится: «Мы все любили маленькую кошку, / Ибо кошка жила в мире чудес», играя солнечным лучиком, кошка била по нему капризной лапой, следила за летающей паутинкой. Умирая, кошка постигла на мгновение связь между мраком и светом,

теплом и холодом, жизнью и смертью, отведя при этом смерть от людей. Кошку раздавили «тяжелые, серые, каменные этажи». Сам герой тоже чувствует себя обреченным Голгофе: «и наг я, и разут, / И руки на Голгофе распростер» [6, с. 202].

Достоинство героя, как и собак и кошек — бесхитрость и неспособность к жестокости.

Да, я знаю, что я — богохульца, безумец, убогий,
Но я знаю и то, что душою я чист, как дитя,
И что я и собака — любимые дети у Бога,
И земные грехи наши судьи на небе простят... [5, с. 361].

Так страдания самого героя приобретают смысл искупительной жертвы. Блаженный осознавал свою миссию: «Мне же нужно было откликнуться на тысячелетия человеческих страданий» [6]. И если Иван Карамзев говорил, что не принимает всей будущей гармонии, если в ее основании лежит хоть одна слезинка замученного ребенка, то у Блаженного «Слеза Зверей», «огромная, как Волга», победит смерть, в этом смысле мир, созданный Блаженным, более милосерден, чем Божий мир. Если Вседержитель, посадив на ладонь маленьких-куколок — Вениаминчиков, раздавит их в конце концов, то в своем мире сам герой, как Бог, посадит на ладонь покойных маленькие души («Усопших маленькие души...») [6]), настолько укрупнился его масштаб, по сравнению с этапом «нисхождения» на дно жизни. Земное уродство — лишь залог будущих чудес:

И вот он — дикий я: колтун, парша, короста, —
Евангельских чудес грядущих красота [6].

Волга в стихах Блаженного прочитывается как символ жизни. После смерти мамы Волга покрылась льдом. О себе герой говорит: «Бессчетных дней моих взволнованная Волга» [6]. Жизнь-река уходит в облака, растворяясь в лазури.

Если герой подобен Христу, Сыну Божьему, то и кошка и собака становятся богами, вместо жесткого и равнодушного Бога-вседержителя.

...Слеза зверей, огромная, как Волга,
Утопит смерть. Она утопит рок.
И вот уже ни смерти и ни Бога.
Господь — собака и кошачий Бог.

Кошачий Бог, играющий в величье
И трогающий лапкою судьбу —
Клубочек золотого безразличья
С запутавшейся ниткою в гробу.

И Бог собачий на помойной яме.
Он так убог.... («Моление о кошках и собаках...») [5, с. 46–47]).

В финале стихотворения Блаженный с долей иронии смотрит на сотворенный им альтернативный мир. Увы, кошки и собаки смертны, неизбежен уход

и мифотворца Блаженного (хотя, как он верит, котенок не имеет возраста, он вечен, «как детство и старческая улыбка», как бессмертна душа). На прощание он дает свой завет, как бы формулируя новую заповедь:

Ну что я могу вам сказать на прощанье,
Старик сумасшедший, прохожий чудак?..
Глядите на кошек моими очами,
Моими руками ласкайте собак [4].

Мифотворец закончил творение своего «тварного» мира. Остался одинокий и добрый человек, который с горечью сознает: «Я не вернусь из смерти никогда», хотя и надеется на воскресение:

Воскресают из мертвых не только апостолы
И ступают изъязвленными ногами, —
Воскресают собаки и кошки безхвостые,
Все, кто был изувечен однажды врагами [5, с. 382].

Библиографические ссылки

1. Аляксей Жданаў: альбом / уклад. А. Клінава. Мінск: Выдавец І. П. Логвінаў, 2013.
2. Анкудинов К. Блаженный // Блаженный В. Сораспятыє. М: Время, 2009. С. 385–396.
3. Блаженный В. Верлибры / сост. и послесл. У. Вриной. Минск: Новые мехи, 2011.
4. Блаженный В. Моими очами: Стихи последних лет / сост. Д. Кузьмина. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/blazhenny2.html>.
5. Блаженный В. Сораспятыє. М: Время, 2009. 416 с.
6. Блаженный В. Стихи и проза разных лет / публикация, подгот. текста В. Орлова // Волга. 2021. №7. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2021/7/stihi-i-proza-raznyh-let.html>.
7. Верина У. Ю. Иона во чреве кита: Уединенная поэтика Вениамина Блаженного // Минская школа: Альманах поэзии. Вып. III. 2013. С. 92–117.
8. Лейдерман Н. Л. Теория жанра / ИФИОС «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010.
9. Сапожков Ю. М. Минский Иов // Нёман. 2011. № 10. С. 194–204.
10. Строцаў Д. Ёд // Аляксей Жданаў: альбом / уклад. А. Клінава. Мінск: Выдавец І. П. Логвінаў, 2013. С. 5–15.
11. Строцев Д. Минская поэтичная школа // Литература. URL: <https://litteratura.org/poetry/944-minskaya-poeticheskaya-shkola.html>.
12. Ханзен-Лёве А. Литературный герой как Иов Бога // Семантизация — концептуализация — смысл. Сб. в честь юбилея проф. Ежи Фарыно. — Siedlice, 2021. С. 177–190.